

И. РОЗМАИНСКИЙ,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Санкт-Петербургского филиала ГУ—ВШЭ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ КЕЙНСА И ЕГО «СПОР О МЕТОДЕ» С ТИНБЕРГЕНОМ

Несмотря на то что по поводу «Общей теории...» Кейнса и его вклада в экономическую мысль было опубликовано множество работ, методологии его подхода, на наш взгляд, было уделено недостаточно внимания, по крайней мере в русскоязычной литературе¹. Такой пробел не позволяет в полной мере понять ни саму теорию Кейнса, ни природу его разногласий с теми учеными, с которыми он дискутировал. Показательным примером этого является и его «спор о методе» с Тинбергеном, материалы которого публикуются в этом номере «Вопросов экономики». Данная статья должна отчасти восполнить этот пробел. Мы хотели бы обратить внимание читателей как на малоизвестные работы Кейнса, так и на те аспекты его «Общей теории...», которые в значительной степени остались и остаются незамеченными.

Важно понять, что с методологической точки зрения подход Кейнса фундаментальным образом отличается от подхода мейнстрима в экономическом анализе. Этот подход начал формироваться в эпоху (и благодаря) «маржиналистской революции» и приобрел свои основные характеристики как раз тогда, когда были написаны основные научные шедевры Кейнса — двухтомник «Трактат о деньгах» (1930) и книга, с которой началась макроэкономика как обособленная ветвь экономической науки — «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). Если попытаться обозначить различия между мейнстримом и подходом Кейнса одной фразой, то проблема сводится к тому, следует ли трактовать экономику как точную науку. Оппоненты Кейнса давали утвердительный, а он сам — отрицательный ответ на данный вопрос. В этом плане экономическая наука, по Кейнсу, фундаментальным образом отличается от естественных наук. Именно с этой точки зрения

---

¹ См.: *Розмаинский И. В.* Ограниченность методологического индивидуализма, общественная идеология и динамика инвестиций в России // Вестник СПбГУ. Сер. 5 (Экономика). 2001. Вып. 1, № 5. С. 133–138; *Лейонхуфвуд А.* Кейнс как последователь Маршалла / Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 32–47. Одной из лучших не переведенных на русский язык книг по методологии макроэкономической науки в целом и Кейнса в частности является работа: *Dow S. C.* The Methodology of the Macroeconomic Thought: A Conceptual Analysis of Schools of Thought in Economics. Cheltenham: Edward Elgar. 1996.

следует рассматривать и «Общую теорию...» Кейнса, и его дискуссию с Тинбергеном. Но чем обусловлена такая позиция Кейнса?

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим вначале ранний вариант выдвинутой Кейнсом макроэкономической концепции — «денежной теории производства», предложенной им за три года до выхода в свет «Общей теории...» (и позднее «потерявшейся» в ней). Затем мы проанализируем сущность его главных макроэкономических функций (потребления, спроса на деньги и инвестиций) и обсудим взгляд Кейнса на природу современного хозяйственного мира. После этого мы попытаемся понять, какими видел Кейнс основные задачи экономической науки и почему, по его мнению, эта наука не должна быть точной.

О наброске «денежной теории производства»: деньги и циклы

В одном из ранних, кратких набросков «Общей теории...», называвшемся «Денежная теория производства» и впервые опубликованном на немецком языке в 1933 г. (а на английском — лишь несколько десятилетий спустя)², Кейнс различил «экономику реального обмена» (Real Exchange Economy) и «денежную экономику» (Monetary Economy). Экономика реального обмена — не обязательно бартерное хозяйство. В такой экономической системе деньги могут существовать, но они выступают лишь как мимолетный посредник при заключении (обменных) сделок, как средство, минимизирующее транзакционные издержки. В этих условиях деньги не являются средством сохранения богатства. Иными словами, в экономике реального обмена деньги — это «удобство», но не актив длительного пользования³. Вот почему классики и представители неоклассической макроэкономической традиции⁴, не уяснившие сути денежной экономики и изучавшие системы, аналогичные экономике реального обмена⁵, не придавали деньгам особого значения. Например, Дж. С. Милль считал, что все различия между бартерной и небартерной системами сводятся «... лишь к проблеме экономии времени и труда...»⁶. Он же писал: «...вряд ли можно отыс-

² Keynes J. M. A Monetary Theory of Production // D. Moggridge (ed.) The Collected Writings of John Maynard Keynes. L.: Macmillan, 1973. Vol. XIII. P. 408–411. Впервые на английском языке эта работа была, по-видимому, опубликована в 1962 г. В еще более раннем наброске (написанном в 1932 г.) Кейнс использовал термины «кооперативная экономика» и «экономика с предпринимателями», см.: Дэвидсон П. Посткейнсовская школа в макроэкономической теории // Вопросы экономики. 2006. № 8. С. 91–92.

³ Carvalho F. J. C. de. Mr. Keynes and the Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar, 1992. P. 103.

⁴ Как известно, Кейнс широко трактовал термин «классики», относя к ним и упоминаемых представителей неоклассической традиции. Однако здесь сразу следует оговориться, что нужно различать макроэкономические воззрения «классиков» (в общепотребительном значении этого термина) и их методологию, где, в частности, не было претензий на точный количественный анализ. Об этом пойдет речь ниже.

⁵ Не случайно частое использование ими «метода Робинзонады», при использовании которого основные закономерности функционирования рыночного хозяйства выводились из характеристик «экономики Робинзона Крузо». Подобная методология подвергалась критике со стороны тех последователей Кейнса, которые понимали ее порочность. См. например: Minsky H. P. John Maynard Keynes. N. Y.: Columbia University Press, 1975.

⁶ Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Прогресс, 1980. Т. 1. С. 87

касть в общественном хозяйстве вещь более незначительную по своей важности, чем деньги, если не касаться при этом способа, которым экономятся время и труд»⁷ А вот мнение на этот счет кембриджского неоклассика Д. Робертсона: «Деньги не являются жизненно важным предметом, как иногда приходится слышать... Исследователь должен с самого начала сорвать денежную вуаль, которая окутывает большинство деловых операций, и посмотреть, что происходит в сфере обращения реальных товаров и услуг...»⁸

Зато в денежной экономике деньги перестают быть «вуалью». В такой экономике, по мнению Кейнса, «деньги играют свою особую самостоятельную роль, они влияют на мотивы поведения, на принимаемые решения... и потому невозможно предвидеть ход событий ни на короткий, ни на продолжительный срок, если не понимать того, что будет происходить с деньгами на протяжении рассматриваемого периода»⁹

Денежная экономика — это метафора, «прообраз» современной Кейнсу (да и нам) рыночной экономики действительного мира. В отличие от экономики реального обмена, денежная экономика внутренне нестабильна, именно в ней существуют деловые циклы¹⁰

К сожалению, в книге «Общая теория занятости, процента и денег» концепция разграничения указанных двух типов экономик в явном виде почти нигде не излагается. Однако она важна для понимания теории Кейнса. Он полагал, что водораздел между экономическими системами указанных двух типов определяется тем, используются ли в них активы длительного пользования. Ведь в денежной экономике деньги как раз и превращаются в такой актив. В частности, уже в «Общей теории...» Кейнс отмечал: «Специфические проблемы денежной экономики будут возникать до тех пор, пока существуют какие бы то ни было активы длительного пользования, способные взять на себя функцию денег»¹¹ А важнейшая из этих «специфических проблем» — деловые циклы. Тот факт, что циклы внутренне присущи денежной экономике, то есть рыночной экономике, в которой активы длительного пользования используются в производстве и обращении, указывает на внутреннюю нестабильность этой экономики, не говоря уже о том, что она весьма далека от состояний, соответствующих оптимуму по Парето.

Особую роль в существовании циклов играют «колебания в склонности к потреблению, в состоянии предпочтения ликвидности и в предельной эффективности капитала»¹² При этом «главные черты экономического цикла, и особенно регулярность чередования во времени и его продолжительность, — что и оправдывает название

⁷ Милль Дж. С. Указ. соч. Т. 2. С. 234.

⁸ Robertson D. Money. L.: Macmillan, 1922. P. 1.

⁹ Keynes J. M. Op. cit. P. 408.

¹⁰ Здесь можно усмотреть явное сходство с теорией цикла У. К. Митчелла, который использовал термин «business economy» и полагал, что цикл внутренне присущ денежной экономике, в которой распространен рыночный обмен, а производство осуществляется ради прибыли. См.: Sherman H. The Business Cycle Theory of Wesley Mitchell // Journal of Economic Issues. 2001. Vol. 35, No 5. P. 85–97.

¹¹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелнос АРВ, 2002. С. 273–274

¹² Там же. С. 289.

цикл, — связаны с механизмом колебаний предельной эффективности капитала»¹³. Таким образом, речь идет о трех основных элементах макроэкономической теории, предложенной Кейнсом, — функции потребления, функции спроса на деньги («предпочтения ликвидности») и функции инвестиций (играющей основную роль). Упомянутая в цитате предельная эффективность капитала является важнейшим аргументом этой функции. Указанные макроэкономические разработки Кейнса нельзя полностью понять, не имея в виду методологические особенности теории Кейнса.

Привычки, ожидания, «жизнерадостность» и конвенции как «поведенческие основы» макроэкономических функций Кейнса

Дело в том, что *основные макроэкономические функции в теории Кейнса строятся не на основе оптимизирующего выбора индивидов*. В этом принципиальное отличие его подхода и от неоклассической теории первой трети XX в., и от современной неоклассической макроэкономики. Кейнса интересовало фактическое поведение людей в реальном, меняющемся мире, который не оставляет возможностей для оптимизирующего поведения во всех сферах жизни¹⁴. Люди действуют на основе привычек и эмоций, ориентируясь на социальные и групповые нормы. Стереотипы, конвенции и ожидания, а вовсе не оптимизационные расчеты определяют человеческие решения, которые поэтому *не поддаются точному количественному анализу*. Именно таков взгляд Кейнса и именно здесь, в отказе от принципов всеобщей оптимизации и методологического индивидуализма (предполагающего, что закономерности поведения всей системы можно вывести из действий отдельного индивида), следует искать водораздел между подходами Кейнса и представителями мейнстрима. Эти особенности методологии Кейнса проявляются во всех основных предложенных им макроэкономических функциях.

В рамках функции потребления оно зависит от совокупного дохода таким образом, что первая производная является положительной величиной, а вторая производная — отрицательной. Указанная зависимость — математическое выражение сформулированного Кейнсом *основного психологического закона*. Согласно Кейнсу, в существовании этого закона *«мы можем быть вполне уверены не только из априорных соображений, исходя из нашего знания человеческой природы, но и на основании детального изучения прошлого опыта...»*¹⁵ (курсив мой. — И. Р.). Что же побудило Кейнса сформулировать этот закон, согласно которому «люди склонны, как правило, увеличивать свое

¹³ Кейнс Дж. М. Указ. соч.

¹⁴ Оптимизирующее поведение невозможно из-за масштабности информации, ее сложности, а также (и зачастую — в первую очередь) из-за неопределенности будущего. См. Розмаинский И. В. На пути к общей теории иррациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 1. С. 89. Подробнее о роли неопределенности и ее отличии от риска будет сказано ниже.

¹⁵ Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 96.

потребление с ростом дохода, но не в той же мере, в какой растет доход»¹⁶? По крайней мере, отнюдь не вера во всеобщность оптимизационных расчетов! «Дело в том, что наибольшее влияние на использование дохода оказывает стремление к поддержанию привычного уровня жизни...»¹⁷ (курсив мой. — И. Р.). Именно здесь следует искать корни теории потребления, предложенной Дж. Дьюзенберри, согласно которой с ростом доходов у индивидов появляются новые привычки потребления, что влияет на его фактический уровень. Как отмечает Дж. Ходжсон, «эта модель совокупного поведения потребителя успешно прошла несколько эконометрических проверок. Тем не менее модель Дьюзенберри не получила признания не потому, что не прошла статистической проверки, а потому, что она не основывалась на мейнстримовской идее рационального, максимизирующего полезность потребителя»¹⁸ (курсив мой. — И. Р.). Та же участь ждала теорию потребления Кейнса, которая (вместе с теорией Дьюзенберри) во второй половине XX в. была вытеснена теорией потребления М. Фридмана, основанной на совершенно нереалистичной гипотезе перманентного дохода, согласно которой люди в своих решениях учитывают доход, получаемый в течение всей своей будущей жизни.

На оптимизации не основана также и функция спроса на деньги. «Почему кто-либо, не содержащийся в богадельне для лунатиков, захочет использовать деньги как средство хранения богатства? Потому что, частично благодаря нашим рассудочным соображениям, а частично — инстинктивным побуждениям, наше желание держать деньги в качестве средства хранения богатства служит показателем степени нашего недоверия нашим собственным расчетам и конвенциональному взгляду на будущее. Обладание деньгами снижает уровень нашего беспокойства, и премия, которую мы требуем за то, чтобы расстаться с деньгами, является мерилем степени нашего беспокойства»¹⁹ При этом под «конвенциями» Кейнс понимал «ориентацию на среднее мнение». Он писал: «Психология общества, состоящего из индивидов, каждый из которых пытается копировать других, ведет к возникновению того, что мы можем назвать строгим термином „конвенциональное суждение“»²⁰

Данные выкладки можно считать развитием теории спроса на деньги по мотиву предосторожности, которая впоследствии стала играть одну из ведущих ролей в посткейнсианской макроэкономической теории²¹. Можно утверждать, что сведение объема спроса на деньги,

¹⁶ Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 96.

¹⁷ Там же. С. 96—97

¹⁸ Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1, № 4. С. 24.

¹⁹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. М.: ГУ—ВШЭ, 1998. С. 286. Эта статья была издана Кейнсом через год после выхода в свет «Общей теории занятости, процента и денег» и в некоторых аспектах является более точным изложением его идей, чем указанная книга. Данная статья была впервые опубликована на русском языке в пятом номере журнала «Вопросы экономики» за 1997 г.

²⁰ Там же. С. 285.

²¹ Davidson P. Money and the Real World. L.: Macmillan, 1972. Общий обзор посткейнсианской макроэкономики см. в: Розманский И. В. Посткейнсианская макроэкономика: основные аспекты // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 19—31.

обусловленного мотивом предосторожности, к величине, зависящей только от совокупного дохода, является чрезмерным упрощением (хотя его и сделал сам Кейнс, когда пытался представить свою «общую теорию» в упрощенном варианте)²². Частичным подтверждением может служить следующая фраза из его главной книги: «Большое увеличение количества денег в состоянии внести *столь большую неопределенность в перспективы*, что усилится предпочтение ликвидности, связанное с мотивом предосторожности»²³ (курсив мой. — И. Р.). Иными словами, увеличение спроса на деньги может быть отнюдь не связанным с какими-либо оптимизационными расчетами.

Остальные мотивы спроса на деньги также не связаны с принципами оптимизации. В частности, «абсолютное предпочтение ликвидности» (позднее получившее название «ликвидной ловушки»), которое соотносится со спекулятивным мотивом спроса на деньги, вряд ли совместимо с деятельностью «рациональных оптимизаторов»²⁴

Не имеет никакого отношения к оптимизационным расчетам и предложенная Кейнсом функция инвестиций — центральный пункт его учения. Как уже отмечалось, главным аргументом этой функции является предельная эффективность капитала, представляющая собой «отношение между *ожидаемым* доходом, приносимым дополнительной единицей данного вида капитального имущества, и ценой производства этой единицы»²⁵ (курсив мой. — И. Р.). Важно то, что инвестиционные решения *зависят не от текущей, а от ожидаемой* доходности инвестиций. «Она [предельная эффективность капитала] зависит от нормы дохода, которую рассчитывают получить, вкладывая деньги *во вновь* произведенное имущество, а не от ретроспективной оценки того, что принесло инвестирование в отношении к его первоначальной стоимости по данным на конец срока службы имущества»²⁶

Здесь должны стать очевидными фундаментальные различия между тем, как Кейнс и Тинберген рассматривают ожидания. Вспомним методологию Тинбергена: «Простейший тип ожиданий в момент t в отношении значения переменной x в момент $t+1$ состоит в том, что это значение гипотетически уравнивается с самым последним из известных значений переменной, скажем $x(t-1)$. Мне представляется, что такой тип ожиданий гораздо более распространен, чем принято считать. Я предполагал, что он вполне подходит для анализа ожиданий прибыли»²⁷ Не случайна и ответная реплика Кейнса по этому поводу: «Но как он учитывает ожидания изменений?»²⁸

²² И вообще интерпретация теории Кейнса «традиционными кейнсианцами» (Дж. Р. Хиксом, П. Самуэльсоном, Ф. Модильяни и т. д.) в значительной степени затуманивала его самые революционные идеи (см.: *Вайнтрауб С.* Хиксианское кейнсианство: величие и упадок // Современная экономическая мысль / Под ред. С. Вайнтрауба. М.: Прогресс, 1981. С. 91–117).

²³ *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. С. 163.

²⁴ Там же. С. 195.

²⁵ Там же. С. 130.

²⁶ Там же. С. 131.

²⁷ С. 51–52 в этом номере журнала (*Tinbergen J.* On a Method of Statistical Business-Cycle Research: A Reply // *Economic Journal*. 1940. March. Vol. 50, No 197. P. 147).

²⁸ С. 59 в этом номере журнала (*Keynes J. M.* On a Method of Statistical Business-Cycle Research: A Comment // *Economic Journal*. 1940. March. Vol. 50, No 197. P. 155).

Дело в том, что, по Кейнсу, сами ожидания определяются не оптимизационными расчетами, а тем, что можно назвать «жизнерадостностью» [animal spirits], «спонтанно возникающей решимостью действовать». Кейнс пишет: «Лишь в немного большей степени, чем экспедиция на Южный полюс, предпринимательство основывается на точных расчетах ожидаемого дохода. Поэтому, когда жизнерадостность задухает, оптимизм поколеблен, и нам не остается ничего другого, как полагаться на один только математический расчет, предпринимательство хиреет и испускает дух — даже если опасения потерпеть убытки столь же неосновательны, какими прежде были надежды на прибыль»²⁹. Понятно, почему английский экономист иногда так резко защищал идею *нелинейности* макроэкономических взаимосвязей (см. четвертый пункт его критики «метода профессора Тинбергена»).

Теперь должно стать ясно, почему Кейнс настаивал на том, что некоторые важные экономические переменные не поддаются измерению. Основная неизмеряемая переменная — ожидания. Из логики рассуждений Кейнса следует, что формирование ожиданий — очень сложный и трудно познаваемый процесс, который нельзя описать одной изящной математической формулой или даже системой таких формул. В этом плане очевидно, что ни одна из современных теорий — ни гипотеза адаптивных ожиданий, ни гипотеза рациональных ожиданий — не совместима с подходом Кейнса. набросок концепции ожиданий, который делает Тинберген в пункте 8 своего ответа на критику Кейнса, — не что иное, как разновидность гипотезы адаптивных ожиданий. Кейнс не мог принять такой ответ.

Взгляд Кейнса на природу современного хозяйственного мира

Итак, с одной стороны, инвестиции в производственные активы длительного пользования изменчивы главным образом благодаря переменам в «жизнерадостности», с другой стороны, они оказывают глубокое воздействие на совокупный реальный доход и уровень занятости (во многом через механизм мультипликатора, действующий в силу «основного психологического закона»).

Здесь мы подошли к важнейшему пункту расхождений между Кейнсом и его критиками. «Именно из-за существования оборудования с длительным сроком службы в области экономики будущее связано с настоящим. Поэтому нашим общим принципам мышления соответствует тот вывод, что расчеты на будущее должны оказывать воздействие на настоящее через цены спроса на оборудование с длительным сроком службы»³⁰.

Вот почему денежная экономика столь изменчива и ее нельзя адекватно исследовать только при помощи методов естественных наук. Здесь должен быть ясен шестой пункт критики Тинбергена со

²⁹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 154.

³⁰ Там же. С. 140.

стороны Кейнса³¹. «Прочие равные условия», служащие «фоном» при проведении корреляционного анализа, на самом деле таковыми (равными) не являются. Хозяйственная среда, то есть экономический мир в целом, неоднородна и изменчива. Фундаментальные причины этого обстоятельства связаны с существованием активов длительного пользования в производстве и обращении³². Экономике, в которой основной капитал и деньги играют важную роль (денежную экономику), нельзя анализировать при помощи тех методов, которые применяют для анализа натурального (или квазинатурального) хозяйства (экономики реального обмена), где на протяжении длительных промежутков времени не происходит существенных изменений.

К экономике реального обмена вполне могут быть применимы следующие рассуждения Тинбергена: «Если нет оснований полагать, что законы, которым подчинялись действия индивидов и фирм в прошлом, в ближайшем будущем изменятся, то формулировка выводов относительно этого ближайшего будущего путем наиболее точных измерений тех же самых действий в прошлом выглядит оправданной»³³

Дело в том, что естественные науки имеют дело с неизменной средой. Условия, в которых повторяются естественно-научные эксперименты, справедливо могут трактоваться в качестве констант. Аналогичная предпосылка справедлива и для неизменной экономики, которую, возможно, и имел в виду Тинберген. Но в денежной экономике упомянутые законы, управляющие реакциями агентов, могут меняться быстро. Вот почему, согласно Кейнсу, при помощи «метода профессора Тинбергена» нельзя «дать количественные ориентиры на будущее»³⁴

Здесь уместно использовать термин «эргодичность», о котором много писал один из лидеров посткейнсианства П. Дэвидсон³⁵. Некая среда является *эргодичной*, если прошлое, настоящее и будущее можно описать при помощи одной и той же функции вероятностных распределений. Это и есть мир неоклассической теории, современного мейнстрима, а по сути — мир экономики реального обмена. Кейнс же исследовал *неэргодичный мир, в котором прошлое необратимо, а будущее неопределенно*³⁶. Более того, будущее *непознаваемо*, поскольку

³¹ С. 43–45 в этом номере журнала (*Keynes J. M. Professor Tinbergen's Method* Economic Journal. 1939. September. Vol. 49, No 195. P. 566–568).

³² К другим значимым факторам следует отнести децентрализацию принятия решений множества хозяйствующих субъектов и ориентацию большей части производственной деятельности не на самообеспечение (см.: *Розмаицкий И. В.* Концепция делового цикла в посткейнсианстве: Автореф. канд. дисс. СПб., 1998; *Розмаицкий И. В.* «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // Вопросы экономики. 2006. № 9. С. 71–82). Вопрос о том, соответствует ли метафора денежной экономики плановому, *индустриальному* хозяйству, подобному экономике СССР 1930–1980-х годов, остается открытым.

³³ С. 56 в этом номере журнала (*Tinbergen J.* Op. cit. P 152).

³⁴ С. 44 в этом номере журнала (*Keynes J. M.* Professor Tinbergen's Method. P 566).

³⁵ См., например: *Davidson P.* Rational Expectations: A Fallacious Foundation for Studying Crucial Decision Making Processes // Journal of Post Keynesian Economics. 1982–1983. Vol. 5, No 2. P. 182–197; *Davidson P.* Reality and Economic Theory / Journal of Post Keynesian Economics. 1996. Vol. 18, No 4. P. 479–508.

³⁶ См. также: *Розмаицкий И. В.* Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1, № 3. 2003. С. 28–35.

в непрерывно меняющемся мире каждый раз, когда мы пытаемся прогнозировать будущее, выясняется, что значительная часть нужной нам для прогнозов информации еще не создана³⁷. Поэтому даже приблизительно предсказывать будущее при помощи методов теории вероятности невозможно. Иными словами, *неопределенность отлична от риска*. Именно об этом писал Кейнс в 1937 г.: «... под „неопределенным“ знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительной степени неопределенной. Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем»³⁸. Такие рассуждения не применимы для экономики охоты и собирательства, и даже для хозяйств эпохи западно-европейского феодализма (по крайней мере, раннего), но они абсолютно адекватны для индустриальных и постиндустриальных обществ XIX–XXI вв., где существуют активы длительного пользования³⁹. Подавляющее большинство инвестиционных и финансовых решений (а также значительная часть производственных решений) принимается в условиях неопределенности, подвергаясь влиянию со стороны изменчивого мира и в то же время влияя на него.

Обобщая свою теорию, Кейнс, в частности, отметил: «...среди указанных факторов нет ни одного, который не мог бы иногда меняться существенно и внезапно. Отсюда крайняя сложность действительного хода вещей»⁴⁰. Экономическая динамика, происходящая в такой среде, не может быть описана точными, количественными методами, — вот в чем состоит основной тезис критики Кейнсом метода, предлагаемого Тинбергеном. Встречающаяся порой резкость высказываний Кейнса была обусловлена тем, что, как уже было отмечено, именно в тот период, когда были созданы его основные научные шедевры, взгляд на хозяйственную среду как на объект, подлежащий точным измерениям,

³⁷ Современные посткейнсианцы называют такой тип неопределенности *фундаментальной неопределенностью* и отличают ее от *несясности* [ambiguity], под которой понимается неопределенность, связанная только с ограниченностью счетных и познавательных способностей человека. См.: *Dequech D. Fundamental Uncertainty and Ambiguity / Eastern Economic Journal*. Vol. 26, No 1. P. 41–60; *Розманский И. В.* «Инвестиционная близорукость»... С. 72–73.

³⁸ *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости. С. 284. Впервые идея о разграничении между неопределенностью и риском была выдвинута Ф. Найтом еще в 1921 г. в его знаменитой книге «Риск, неопределенность и прибыль» (*Knight F. H. Risk, Uncertainty and Profit* Chicago: Chicago University Press, 1985). Из этих рассуждений следует уже сформулировавшийся тезис о невозможности оптимизации в условиях неопределенности (см.: *Розманский И. В.* «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы. Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2005. Т. 3, № 1 С. 62–73).

³⁹ Повторим еще раз, что вопрос о том, насколько применимы подобные рассуждения к экономике плановых, *индустриальных* хозяйств типа экономики СССР, остается открытым.

⁴⁰ *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. С. 232

становился господствующим в экономической науке⁴¹. Кейнс видел, как подобная тенденция к формализации быстро становится доминирующей, и его это не могло не волновать.

Взгляд Кейнса на задачи экономической науки

Трактовка экономической науки как набора формализованных методов количественного анализа была несовместима с методологическими установками XIX в., сформированными еще в рамках классической политической экономии. Хотя Кейнс много критиковал макроэкономические воззрения ее представителей, с методологической точки зрения он был в определенной степени ей близок, ведь недаром его называли учеником Маршалла, который, хотя и считается основателем неоклассической теории, в своем подходе был тесно связан с классической традицией и отнюдь не был склонен к формализации и математизации экономического анализа. «Общность взглядов Маршалла и Кейнса на математику объясняется тем, что их представления об экономической науке были особыми и радикально отличались от воззрений большинства современных экономистов. Сегодня „теоретизировать“ означает дедуктивно выводить свойства модели из заранее заданного набора примитивных постулатов о вкусах и технологии. „Теория“ и „модель“ считаются синонимами. Маршалл и Кейнс, напротив, склонялись к философскому реализму»⁴².

Итак, по Кейнсу, экономическая наука не должна претендовать на точность. У нее другие задачи. Экономическую науку следует понимать как особый способ мышления⁴³. «Цель нашего анализа отнюдь не в том, чтобы создать такую механику или такую шаблонную схему операций, которая автоматически выдавала бы безошибочный ответ, а в том, чтобы обеспечить себя методом для систематического и планомерного изучения ряда проблем»⁴⁴. В «математической элегантности» построений своих оппонентов Кейнс видел претензии на конструирование упомянутых «шаблонных схем операций». Он считал, что такие схемы не учитывают не только изменимость факторов, но и их глубокую взаимозависимость. В свете сказанного должен стать вполне ясен третий пункт критики метода Тинбергена. Кейнс полагал, что его оппонент недооценивает взаимозависимость факторов, «участвующих» в корреляционном анализе. Ответ Тинбергена (§ 7) не кажется нам вполне убедительным, по крайней мере применительно к макроуровню. В частности, упоминаемые им инвестиции, прибыль, процентные ставки, потребление и издержки могут на макроуровне зависеть друг от друга в рамках большого количества

⁴¹ *Garrone G., Marchionatti R.* Keynes on Econometric Method: A Reassessment of His Debate with Tinbergen and Other Econometricians, 1938–1943 / CESMEP Working Paper No 01/2004. Dipartimento di Economia. 2004; *Lawson T.* Realism and Instrumentalism in the Development of Econometrics // *Oxford Economic Papers. New Series.* 1989. Vol. 41, No 1 P. 236–258.

⁴² *Лейонхуфвуд А.* Указ. соч. С. 43.

⁴³ *Garrone G., Marchionatti R.* Op. cit.

⁴⁴ *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. С. 276.

разнообразных связей (как правило, являющихся нелинейными). Вряд ли все эти взаимосвязи могут быть «охвачены» в рамках регрессионного («корреляционного») анализа.

Кейнс настаивал на том, что непонимание взаимозависимости между факторами в сложном, меняющемся мире может быть чревато негативными последствиями с точки зрения реалистичности. «Крупный дефект формализации экономического анализа с помощью псевдоматематической символики... в том именно и состоит, что все эти построения явным образом исходят из допущения о строгой независимости введенных в анализ факторов, и они теряют всю свою доказательность и значение с отпадением этой гипотезы. Слишком большая доля современной „математической экономии“ представляет собой, по существу, простую мешанину, столь же неточную, как и те первоначальные допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринте претенциозных и бесполезных символов»⁴⁵. Не содержится ли в этих язвительных строках приговор не только «методу профессора Тинбергена»⁴⁶, но и всему экономическому мейнстриму XX и XXI вв.? Не сюда ли нужно обращаться тем экономистам, которые периодически говорят или пишут о кризисе современной экономической науки?

* * *

Дискуссия между Кейнсом и Тинбергеном о границах применения метода множественной корреляции представляет ценность не только с точки зрения истории экономических учений. Эта дискуссия не потеряла своей актуальности и сегодня: она отражает противоречия между двумя взглядами на природу современной экономики и задачи экономической науки.

Подход Тинбергена вполне согласуется с современным мейнстримом: экономический анализ должен быть как можно более формализованным и нацеленным на решение конкретных количественных задач. Экономическая наука в идеале должна быть точной, а объект ее изучения в своих основных характеристиках аналогичен объектам технических и естественно-научных дисциплин. Подход же Кейнса находится в русле современной «гетеродоксальной» традиции, противопоставляющей себя мейнстриму⁴⁷. В рамках этой традиции хозяйственная среда изменчива и непредсказуема, а большинство экономических переменных связано между собой множеством нелинейных взаимосвязей. Отсюда следуют перманентная нестабильность коэффициентов корреляции и необоснованность притязаний эконометристов

⁴⁵ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 276–277. См. также: Patinkin D. Keynes and Econometrics: On the Interaction between the Macroeconomic Revolutions of the Interwar Period // *Econometrica*. 1976. Vol. 44, No 6. P. 1091–1123.

⁴⁶ При этом Кейнс в принципе не отрицал значимости эконометрического анализа, см.: Garrone G., Marchionatti R. Op. cit.; Keuzenkamp H. A. Keynes and the Logic of Econometric Method / Tilburg University. Center for Economic Research. Discussion Paper No 113.

⁴⁷ См.: Розманский И. В. Посткейнсианство + традиционный институционализм...

на решение предсказательных задач⁴⁸. Поэтому экономическая наука, изучающая хозяйственную среду, не может претендовать на точные количественные измерения. Она должна быть основана прежде всего на реалистичных предпосылках и содержать инструменты, помогающие понять и объяснить эту среду. Основные недостатки неоклассической теории состоят в том, что, как писал Кейнс, «ее молчаливые предпосылки редко или даже никогда не бывают убедительными и что она не может разрешить экономических проблем реальной жизни»⁴⁹

На наш взгляд, одна из проблем в научно-экономической жизни постсоветской России состояла и состоит в том, что российское научное сообщество некритично усвоило основные аспекты тех идей, которые стали щедро импортироваться в нашу страну с началом «рыночных реформ». Неоклассическая теория и методы эконометрического анализа стали восприниматься так же догматично, как в свое время воспринимался марксизм. Хочется надеяться, что ознакомление со «спором о методе» между Кейнсом и Тинбергеном позволит читателям более объективно взглянуть на эту проблематику.

И последнее. Мы вовсе не отрицаем значимости эконометрического анализа. Мы лишь призываем вслед за Кейнсом «проявлять осторожность»⁵⁰. Мир хозяйствующих субъектов не функционирует по тем же законам, что и мир неживой природы. Глубоко познать и понять первый из этих миров с помощью методов точных наук вряд ли когда-нибудь удастся.

---

⁴⁸ См.: *Garrone G., Marchionatti R.* Op. cit.

⁴⁹ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 346.

⁵⁰ Следует учитывать, что «осторожное» отношение к эконометрическому анализу прослеживается в рамках таких направлений современной экономической теории, как посткейнсианство, традиционный институционализм и особенно австрийская школа. Представители этой школы с подозрением относятся даже к макроэкономике. См.: *Berri H. P.* Австрийская экономическая школа: расхождения с ортодоксией // Папурама экономической мысли конца XX столетия. СПб.: Экономическая школа, 2002. Т. 1. С. 99.